

Продолжение. Начало см. в №№
5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17.

Эпиграфом к девятой главе, которая называется «Хранитель, не уберёгши себя», автор книги выбрал следующие четверостишие:

*Луна мчитяся в небесах,
Красоваться не устанет,
Но тягаться ей с тобой,
Луноликой, сил не станет.*

Написано это четверостишие Муджиредином Бейлагани, жизни и деятельности которого посвящена очередная глава книги академика Рафаэля Гусейнова. И начинается он своё повествование с того, что старого, бывшего Бейлагана уже нет.

«Вот глазурованные черепки посуды, керамика с неувядающими, как бы вчерашними красочными узорами — изделия стародавних времён. Они древнее прадеда моих прадедов... Но эти фаянсовые артефакты сообщают нам о быте и домашнем убранстве наших предков, живших 8 веков назад. И я глазу их как живые, одушевленные существа. Они найдены в древнем городище — Оренгала. В 1939 году эти находки собрали в развалинах городища и привезли в Баку, в новосозданный дом-музей Низами Гянджеви. 70 лет находки оставались в ящиках. Как ранее многие годы пребывали под слоем земли, в темноте... Городище Оренгала — тот тот же самый древний Бейлаган», — пишет автор книги, признаваясь в том, что не знает, чьи руки прикасались к этим черепкам, кто пил из керамического кувшина, «следы чьих взоров остались на них. Я знаю, по крайней мере, одного человека, чьё прикосновение к этой утвари, этим узорам, было возможно... Ибо этот уникум оставил миру множество достояний реликвий, не подверженных разрушительному воздействию времени... И этот предок наш — Муджиреддин Бейлагани.

На странице 242-й автор рассказывает о том, что в середине XII века, когда он родился и прожил юношеские годы, всё правобережье реки Куры всецело входило в состав азербайджанского государства Эддегезидов, включая город Бейлаган.

Вот как источник XIII века «Аджаиб ад-дунья» — «Странности мира» изображает Бейлаган тех времён: «Зимой его климат напоминал райский. Ни жарко, ни холодно. Бейлаган был постоянным местом жительства венценосцев». И, тем не менее, наш герой устремляется в поэтический столицу Азербайджана — Ширван.

Муджиреддин — псевдоним поэта. Но он сам подтверждает, что это было и как бы его собственным именем. В народе же его звали «Муджир». А смысл этого слова — «хранитель, страж, радетель, попечитель»... Тезкире «Сафинат туш-шуара», сообщает, что его именем было Абу-ль-маали. М.Тарбият в трактате «Данешмандан-е Азербайджан» даёт другую версию имени поэта — Абу-ль-макарим. В первом случае это имя означает «Отец великодушия», во втором — «Отец благостыни». И суть этих разрозненных сообщений в том, что Муджиреддин действительно эти высокие эпитеты своего имени оправдал своей жизнью», — пишет автор на странице 244.

Литературный же мир той эпохи характеризовал его поэтический талант такими эпитетами, как «Красноречивый из поэтов и благозвучнейший из ораторов». Рукопись, хранящаяся в Британском музее, именует его «афзал-уль-мукаллимин» — «лучшим из словотворцев».

«Диван» же персидского поэта XII века Сузени Са-

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

марканди свидетельствует о том, что истинным его именем было Музаффар.

Этот поток ценной информации, о которой мы узнали благодаря неутомимым поискам и исследованиям академика Р.Гусейнова, невольно уносит нас на крыльях быстрого времени в глубины тысячелетий. Ловлю себя на мысли о том, что стараюсь внимательно вчитываться в каждую строчку повествования, чтобы не упустить ни одной детали о жизни наших предков, чьи имена, несмотря на все перипетии судьбы, не канули в мутные воды древней реки Лету.

На странице 245 Рафаэль муаллим пишет о том, что «юный поэт, перебранный в Ширван, находит поощрение у устада Хагани Ширвани, который, как пишет некоторое время живший в Ширване Лютфалибек Азер в «Тезкире-йи Атешкеде», согрел его отеческой заботой и ввёл в круг дворцовых заведующих.

На странице 247 рассказывается о том, что Муджиреддин прибыл в Ширван приблизительно в 1148-1149 годах. «Здесь хронология наша опирается на то, что дата первой касиды его в честь Манучоха, была создана 20-летним поэтом. Это было время, когда во дворце Ширваншахов часто устраивались меджлисы с участием поэтов, певцов, музыкантов, танцовщиц.

«У авторов, взявшихся писать роман, снять фильм, создать картину или инсценировку о тех временах есть неоспоримые исторические атрибуты и материалы, — они в стихотворении Муджира:

*Скинут девы покрывала, в танце плавном поплывут,
И газели о любви музыканты пропоют.
Об устах подруги сладких пусть поведает газель,
Пыл газели приумножит упоительная хмель.
Разгорится пир горою, разгуляется игра,
И меджлис собой украсит, снизойдя с небес, Зохра.
Пусть ашуги в бубны бьют от души, наперебой,
Взор ласкает бубен гулкий перламутровой красой.
Путь заплётся песней нэй в десять пальцев вдургорядь,
До девятых до небес звоны жаркие летят...*

Но как бы высоко не отзывался о творчестве Муджиреддина Бейлагани известный учёный, поэт и прозаик Рашиддин Ватват (1081-1178), завистников и недоброжелателей у юного поэта было так много, что «отголоски их злопыхот доносились сквозь восемь веков до наших дней... «Интриганы пытались рассорить устада Хагани с Муджиредином, не гнушаясь в средствах и пуская в ход наветы», — пишет Р.Гусейнов на странице 249. На следующей странице мы узнаём о том, что ничего у них не вышло. В «Диване» Муджиреддина мы читаем строки, полные любви и обожания, обращённые к Хагани:

*Отец познания, мудрости светило,
Урок для мыслящих — Афзалядин,
Людскому роду — гордость и мерило,
Увенчан небом слова властелин.
Христова сила — в Хагани являлась.
Средь всех титанов музы — он — один.
Внушает воздержание в наставленьях,
Пьянит вином стихов его кувшин.
Широк душой, очал его радушин,
И по исламу стои, и по чину чин.
Велик умом, мир духа его равняем
Блаженной райских сказочных долин.*

Скромный очаг Хагани, воспетый Муджиром, превратился для него в подлинную творческую школу, где, по сведениям источников и фактов из текстов самого поэта из Бейлагана, он обогащал свои познания, помимо стихотворчества, в области философии, математики, астрономии.

Следуя традициям Хагани, Муджиреддин неизменно озвучивает идеи о своих тюркских корнях. Не забывал о них и когда некоторое время находился в Дербенте при дворе Сейфаддина Музаффера ибн Мухаммеда Арслана (1155-1170).

«Атабек Шамсаддин Эльдэгиз, Мухаммед Джахан Пехлеван, Гызыл Арслан... Этим венценосцам посвящали оды и другие поэты. Но, похоже, им больше нравились касиды Муджиреддина. Больше всех к нему благосклонность проявлял атабек Джахан Пехлеван, — пишет автор книги на странице 254. — Во дворец этого правителя-мечената стекались служители муз с Ближнего и Среднего Востока, но ни один из них не мог превзойти Муджиреддина... Их имена канули в Лету... Сила Муджиреддина была в его несравненном слове».

И в качестве защиты от злостных нападок завистников, грозивших ему темницей, поэт, упоая на своё перо», пишет «Гасым-наме» — «Клятвенное письмо», в котором даёт ответе своим очернителям. Эта искренняя исповедь остудила гнев настроенного против Муджиреддина венценосца, но «злостующие соперники» не успокоились. «Разгорелась стихотворная перепалка — перестрелка эпиграммами между прибывшими в Исфаган Муджиредином и исфаганскими пиитами — Джамаледдином Исфагани и Шарафеддином Шефоре», которая закончилась... убийством Бейла-

гани. Как сообщает автор на странице 255, версии его гибели расходятся. «Одна версия гласит, что его отравили, другая — задушили в бане, по третьей версии — под предлогом кровопролития перерезали ему артерию. Уточнять детали преступления восьми вековой давности — проблематично. Ясно одно — поэт умер насильственной смертью... От завистников, ослеплённых патологической злобой, можно ожидать всякой низости. Ведь окружающие убийного талантливого мастера, не годились ему и в подмётки, пока они существовали. Смертельная опасность преследовала его по пятам...».

Поистине, как бы ни великопечаль был XII век, в историю человечества он вошёл, и как самый немилосердный по отношению к тем, кого Господь сподобил незаурядностью и талантом, и кто прославил его своим высоким словом на будущие тысячелетия.

К большому сожалению, земная жизнь устроена так, что «всё преходящее — и печаль, и радость. Но ведь и отпущенная человеку жизнь конечна. Но останутся продолжением жизни поэта его стихи, где бьётся его сердце, где ощущается тепло его живого дыхания. Они бессмертны! И поэт предвидел те далекие дни и столетия, когда его творения продолжают свою жизнь в духовном пространстве. И питал страстную надежду на долговечность своего слова.

*Всяк в мире в наше горе посвящён,
Но день отрады праздником нагрянет.*

«Как сообщает на странице 262 автор книги, Мухаммедали Тарбият писал, что видел своими глазами «Диван» Муджиреддина, составляющий около 15 тысяч бейтов. Но до 1980 года из наследия поэта были известны лишь разрозненные фрагменты. В том самом году в Иране доктор Мухаммед Абади, после досконального расследования различных рукописей, составил и издал «Диван» Бейлагани из 5469 бейтов — на сей день наиболее объёмный сборник. Сюда вошли касиды — 3059 бейтов, газели — 504 бейта, «шкавийей» (поэтические сетаования) — 448 бейтов, чита — 620 бейтов, «муллема» — 255 бейтов, «теркиббанди» — 285 бейтов, рубаи — 298 бейтов.

Если принять во внимание мнение М.Тарбията, а мы не имеем оснований подвергать сомнениям выводы этого компетентного учёного, «Диван» охватывает одну треть наследия поэта, из текстов, известных в 1930-1940 года. Предстоит поиск остальной части. Но не должно оставлять необнародованной для широкой публики и известную часть. Ведь каждый фрагмент этого наследия дышит неувядающей свежестью. Вот нам предстаёт могучий поэт, взволнованный и заворожённый прелестью, хрупкой беззащитностью трепетного мака.

*Смутила мир живая дерзость мака,
Сошлась залюбовать им ватага.
Увидел прядь возлюбленной своей,
Взглянув на мак в рассветный час зевака.
Или это кровь ашугин-горемык,
Что изошла и брызнула из праха?
Накрапы чёрные на теле лепестков,
Что пережил израненный бедняк.
Или щит агатовый оберегал цветок,
Но был разбит тоской ночного маха?
Нарадоваться не успел Муджир,
И случай омрачил его восторг, однако...».*

Кстати, Амир Хосров Дехлеви — первый продолжатель традиций Низами, одна из вершин персоязычной поэзии, создававшейся в старом Индостане, в предисловии к своему сочинению «Гурет уль-кемал» — «Светочи разума», ведая речь о Муджиреддине, ставил его поэтическое мастерство выше искусства Хагани. Оба этих поэта обрели вечный покой в Тебризе и лежат неподалёку друг от друга на кладбище поэтов — «Марбарат уш-шуара» в квартале «Куй-е Сорхаб».

«Муджир, чей псевдоним означает «хранитель», при жизни не смог до конца избавиться от посягательств и нападок недругов. Но его поэзия смогла обеспечить своё самосохранение. И при жизни поэта и после него. Как и теперь. И так будет во веки веков». Этими словами академик Рафаэль Гусейнов завершает девятую главу своего объёмного исследовательского труда.

И в этом плане я полностью согласна с автором книги. А что, если проводить встречи в замечательном храме культуры — Музее азербайджанской литературы имени Низами Гянджеви, посвящённые жизни и деятельности наших талантливых соотечественников из книги «Вознесение слова»...

А мы, публикуя главы из этой книги на страницах нашей старейшей газеты, стараемся расширить круг тех наших читателей, которые сохраняют в своих сердцах эти бесценные факты и сведения, чтобы передать их будущим поколениям.

Подготовила

Медина ГАСАНОВА.